

ОТЗЫВ

официального оппонента кандидата философских наук, старшего научного сотрудника сектора истории русской философии Института философии Российской академии наук Александра Сергеевича Цыганкова на диссертацию Артема Маратовича Хамидулина «Философия истории Н.А. Бердяева и С.Л. Франка: сравнительный анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии

Диссертационное исследование А.М. Хамидулина «Философия истории Н.А. Бердяева и С.Л. Франка: сравнительный анализ» посвящено важной и в настоящее время мало разработанной в историко-философской науке проблематике историософских воззрений Н.А. Бердяева и С.Л. Франка в их сравнительной перспективе. Несмотря на то, что философия истории Бердяева достаточно хорошо изучена – что, впрочем, едва ли можно сказать об историософии Франка – выбранный диссертантом подход, на мой взгляд, действительно несет в себе богатый эвристический потенциал и дает возможность по-новому взглянуть на устоявшиеся историко-философские клише в отношении историософии обоих мыслителей. Именно это, как представляется, делает диссертационное исследование по специальности «история философии» актуальным для сегодняшнего дня.

Диссертационная работа имеет классическую структуру и состоит из введения, трех глав, 8 параграфов, заключения и списка литературы. Объем диссертации составляет 224 страницы, библиография включает 279 наименований.

Во введении обозначены актуальность, степень разработанности проблемы, объект и предмет исследования, его цель и задачи, прописана методология и указана новизна.

В первой главе работы анализируется философия истории, разработанная в творчестве Бердяева.

В первом параграфе диссертант формулирует два подхода к пониманию значения мифологии в философском наследии Бердяева, которые делятся по принципу форма/содержание. Отмечается влияние философии Г.В.Ф. Гегеля и Ф.В.Й. Шеллинга на историософские построения русского мыслителя. Вместе с тем, автор рассматривает учение о мифологии Бердяева в контексте современной западноевропейской и отечественной философии мифа. В первом параграфе также показывается влияние марксизма на становление историософии Бердяева, который выступал против сведения онтологии истории к экономике и тем самым против изгнания тайны исторического. Автором, – на мой взгляд довольно удачно, – отмечается параллелизм между

историософией Бердяева и некоторыми принципами исторической школы «Анналов». Схожесть их подходов заключена в попытке целостного понимания человека в истории. Отсюда характерный для творчества Бердяева и для работ представителей школы «Анналов» интерес к мировоззрению, психологии или попросту к ментальности. Методологический аспект подобного сходства, согласно диссертанту, заключен в отказе от жесткого противопоставления субъекта и объекта.

Во втором параграфе первой главы автором описывается преобразующий характер мифа, выявленный Бердяевым. Приводится бердяевская критика ряда мифов, которые негативным, «подавляющим» образом влияют на общественное сознание (к примеру, прогрессистский миф, стр. 43–44). Разбирается критика мифов о власти, встречающаяся у Бердяева (стр. 45–46). Автор сравнивает различные оценки мифа, данные русским философом в его многочисленных работах, и показывает – при необходимости – их диалектическую природу. Переходя от разбора частных случаев критики мифов, предлагаемой Бердяевым, диссертант формулирует общую критическую установку, негативный полюс мифоистории, присущий творчеству философа. Артемом Маратовичем приводится большое количество параллелей с творчеством таких западноевропейских мыслителей, как Г. Лебон, В. Дильтей и Ф. Ницше. В целом как безусловно одну из сильных сторон работы необходимо отметить контекстуализацию идей Бердяева: творчество русского мыслителя рассматривается в идейном контексте эпохи. Автор вполне уместно предлагает использовать понятие «мифократия», когда анализирует бердяевскую критику мифов. В конце параграфа дается попытка объяснить некоторую противоречивость, присущую позиции Бердяева, относительно мифа и мифологии. Объяснение подобной противоречивости, экспликация ее диалектической природы, совершается автором при помощи указания на субъективный характер любой объективности. «Любой миф, – пишет диссертант, – является универсальным инструментом как для осмысления прошлого, так и для конструирования будущего. Следовательно, концепция Н.А. Бердяева предполагает, что мифологическое мышление есть необходимая часть исторического сознания и часть историко-фактической действительности <...> миф как механизм осмысления действительности хорош, но вот конкретный исторический миф может быть хорош или плох» (стр. 59). Интересна идея биографической мотивации обращения Бердяева к разработке проблематики мифологии и философии истории, которую проводит автор, опираясь на автобиографические свидетельства, оставленные философом.

В третьем параграфе первой главы диссертантом рассматриваются движущие силы истории в том виде, как они представлены в историософии Бердяева. Вновь

обнаруживается диалектика противоположных принципов истории и метаистории, феноменального и ноуменального, временного и вечного. Человек становится главным движущим фактором исторических изменений, поскольку является носителем свободы и имеет доступ к ноуменальному измерению. Наряду с этим Артемом Маратовичем выявляются три подхода к феномену времени в творчестве Бердяева – космический, исторический и экзистенциальный, а также описывается механизм конструирования исторического у Бердяева. Привлекается философия С.Н. Булгакова, дается сравнение подходов мыслителей к проблеме метаистории. Отдельно отмечается своего рода «отталкивание и притяжение» к философии И. Канта, которое наблюдается в мысли Бердяева, пытающегося понять принципы конструирования исторического человеческого сознанием. Далее автором анализируется три периода осмысления исторического, предложенные русским философом. Для понимания историософии и мифоистории Бердяева привлекается – на мой взгляд оправданно и удачно – теория мифа, предложенная М. Элиаде в работе «Миф о вечном возвращении».

Во второй главе диссертационного исследования определяется место философии истории в творческом наследии Франка и по праву указывается на то, что оно в сравнении, к примеру, с его онтологией и гносеологией, является довольно скромным.

В первом параграфе второй главы автор пытается хронологически рассмотреть работы Франка на предмет того, каковы, согласно философу, движущие силы истории. Отмечается характерная для философии Франка идея о расхождении эмпирического сущего и идеального должного, именно благодаря этому расхождению и становится возможна динамика истории и именно оно приводит к историческому индетерминизму, сформулированному в творчестве философа. Другими словами, как справедливо отмечает автор, подобное расхождение между сущим и должным дает человеку шанс посредством воли и разума влиять на историю. Хотя, вместе с тем, в духе философии самого Франка, диссертант указывает и на наличие исторического детерминизма в учении философа, который проявляется в так называемой «исторической инерции», обуславливающей до известного предела человеческое сознание. Таким образом, общественно-историческая жизнь для Франка становится сплавом «консерватизма и творчества», что, на мой взгляд, удачно показано в работе диссертанта. Здесь же автором подчеркивается тенденция, действительно свойственная мысли Франка, согласно которой история несет в себе глубокое воспитательное измерение. Отдельно Артемом Маратовичем рассматриваются темы исторической осознанности/рациональности и исторического смысла в философии Франка. Здесь можно полностью согласиться с диссертантом, что проблематика «смысла

истории» является парадигмальной для всей философско-исторической мысли русского философа.

Во втором параграфе второй главы анализируется диалектика страстей и идей, которая присуща историческому процессу, согласно философии русского мыслителя. Справедливо отмечается, что ни идеи, ни страсти, по учению Франка, не могут быть «чистыми», как пишет диссертант, но всегда при своем воплощении идея приобретает что-то от страсти, рациональное дополняется иррациональным. «Идеи, – как отмечает автор, – которые человек способен с переменным успехом воплощать в жизни, выступают факторами (движущими силами) исторических изменений. В процессе своей реализации в истории они выступают как идеи-силы, сочетающие в себе единство отвлеченных, духовных категорий с эмпирическими и материалистическими началами (идеал-реализм)» (стр. 152). Сами идеи/идеалы относятся Франком к ценностной сфере бытия и, таким образом, выступают как то, что должно быть реализовано в действительности, но вместе с тем эти же идеи/идеалы относятся и к этической сфере бытия, на что верно указывает диссертант. Важно, что в тексте работы поэтапно рассматривается сначала индивидуальная составляющая философии истории Франка, а затем общественная (или «сингулярная» и «универсальная», как называет их диссертант (стр. 139)). Подобные составляющие соответственно подразумевают разные способы открытия бытия – «трансцендирование вовнутрь» и «трансцендирование вовне». Здесь же автор подробно анализирует диалогическую сторону философии Франка и уделяет отдельное внимание феномену «соборности», что представляется важным и оправданным в рамках заявленной темы диссертационного исследования.

В третьем параграфе второй главы рассматривается мистическая составляющая философского творчества Франка в ее взаимосвязи с историософией. Можно согласиться с диссертантом, когда он пишет, что Франк усматривает в истории наличие особой духовной реальности, которая, имея антиномическую природу, сочетает изменчивость и постоянство. Артем Маратович справедливо отмечает, что для историософии Франка характерно представление о том, что «сквозь всю пеструю гамму исторического многообразия, всего множества индивидуальных фактов прошлого и настоящего просвечивает глубинная, вечная сфера бытия» (стр. 156). Через исторический процесс как бы просвечивает неизменное духовное измерение, однако, вместе с тем, в философии Франка не утверждается идея бесконечного повторения одного и того же. Напротив, эта неизменность, вечность требует постоянного воплощения посредством человеческого творчества, человеческой деятельности. Но сама эта деятельность, обернувшаяся в первой половине XX века катастрофами двух мировых войн, могла в то же время не

соответствовать логике Абсолюта, как считает Франк. Отсюда человек в первую очередь должен стремиться к своему собственному совершенствованию, что способствует реализации исторического процесса в качестве мистической реализации божественного откровения, как отмечает диссертант. На мой взгляд, автор в этом параграфе также довольно умело показывает влияние биографических обстоятельств на общее философское мировоззрение Франка и демонстрирует их значение для историософии мыслителя.

В последней главе диссертационного исследования автором приводится сравнительный анализ историософских взглядов Бердяева и Франка. Первоначально Артем Маратович показывает близость биографии двух философов и их схожую идейную эволюцию, которую, как правило, характеризуют переходом «от марксизма к идеализму», обозначает вехи их сотрудничества и дружбы в эмиграции. Однако главная заслуга диссертанта заключается в формулировании пятнадцати «точек притяжения и отталкивания философско-исторических воззрений Н.А. Бердяева и С.Л. Франка» (стр. 177), хорошо демонстрирующих, на мой взгляд, внушительную глубину историко-философского поиска, которой достиг автор. В целом с позицией диссертанта, согласно которой «несмотря на различия по многим частным аспектам и всю разницу в оценках исторических, политических и социальных событий, философско-исторические концепции Н.А. Бердяева и С.Л. Франка имеют больше сходства, чем различия» (стр. 193), можно дискутировать, однако она представлена последовательно и выглядит убедительной.

В заключении аккумулируются полученные в ходе исследования результаты и даются общие выводы.

Однако несмотря на отмеченные положительные стороны диссертационной работы есть в ней также некоторые спорные моменты и недостатки:

1. Когда диссертант анализирует историософию Бердяева то зачастую складывается впечатление, что некоторые понятия, которыми он пользуется, являются взаимозаменяемыми и тем самым возникает вопрос об их содержании и границах. Хотелось бы увидеть более четкую границу – насколько это в принципе возможно для достаточно вольного и не всегда в должной мере концептуально проработанного бердяевского стиля – между такими понятиями, как «миф», «мифология», «мифологема» и «идеология», свойственными историософии Бердяева.

2. На мой взгляд, в диссертационной работе недостаточно проиллюстрирована проблематика религиозного преображения истории, которая характерна для немецкоязычных и нидерландскоязычных статей Франка начала и середины 1930-х гг. (в

частности работы о творчестве Ф.М. Достоевского: *Frank S. Die Krise des Humanismus. Eine Betrachtung aus der Sicht Dostojewskijs // Hochland. 1931. № 2. S. 289–296; Frank S. Dostojewski's Theodicee / U. h. Duitsch // Stemmen des tijds. 1936. II. S. 103–118; Frank S. Dostojewsky en de crisis van het humanisme. Amersfoort: P.Dz. Veen, z.j., 1933. P. 35–48.*) В этой связи, было бы интересно услышать мнение диссертанта о том, каким образом историософские взгляды Франка проявились в разрабатываемой им в период немецкой эмиграции тематике русской мысли и культуры?

3. К сожалению, при рассмотрении историософских взглядов Франка не был проведен анализ того влияния, которое оказало творчество И. фон Гёте на его мысль (есть только указание на то, что Франк цитирует Гёте в ряде своих работ (стр. 160)), хотя вместе с тем диссертант абсолютно справедливо указывает на влияние неокантианства, философии Ницше и Гегеля.

4. На стр. 168 диссертант пишет: «В своих заметках «Первая философия» (1928-1933), которые предвосхитили написанный в 1935 г. на немецком языке трактат «Das Unergründliche» (изданный в последствии на русском языке в 1939 г. под названием «Непостижимое»)). Тут возникает впечатление, что Франк закончил трактат «Das Unergründliche» в 1935 г., а его русский текст 1939 г. является повторением текста немецкого. Увы, это не так. Дело в том, что в декабре 1935 г. была закончена первая редакция этой работы, которую философ основательно переработал к весне 1936 года, русский же перевод, сделанный самим Франком, по существу являлся уже третьей редакцией самого трактата, известным образом отличающейся, как от варианта 1935 года, так и от варианта 1936 года (который и послужил основанием для русского перевода 1939 года).

Вместе с тем указанные замечания и дискуссионные моменты не портят общего положительного впечатления от диссертационной работы. Автора можно считать состоявшимся исследователем, который владеет всеми необходимыми навыками работы с философским текстом, излагает свои мысли аргументированно и последовательно, а также владеет хорошим стилем. Работа написана самостоятельно, недопустимых заимствований нет. Диссертационное исследование полностью соответствует паспорту специальности 09.00.03 – история философии, в частности таким его пунктам, как «Отечественная философская мысль: философия России как историко-философская универсалия» и «Философская компаративистика как отрасль историко-философской науки и методологический прием исследования». В этой связи я убежден, что диссертационная работа «Философия истории Н.А. Бердяева и С.Л. Франка: сравнительный анализ» соответствует всем требованиям, предъявляемым к работам на соискание ученой степени

кандидата философских наук, а ее автор – Артем Маратович Хамидулин – заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии.

01.04.2021

Официальный оппонент:

кандидат философских наук

старший научный сотрудник сектора

истории русской философии

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

А.С. Цыганков

Подпись *Цыганкова А.С.*
ЗАВЕРЯЮ:
Зав. отделом кадров Института философии РАН

Александр Сергеевич Цыганков

кандидат философских наук

(по специальности 09.00.11 – социальная философия)

старший научный сотрудник

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт философии Российской академии наук

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Тел.: (495) 697-78-59, e-mail: iph@iph.ras.ru